

И. И. Гохман

**РОЛЬ АНДРОНОВСКОГО КОМПОНЕНТА
В ФОРМИРОВАНИИ ЮЖНОСИБИРСКОЙ
РАСЫ**

Территория Средней Азии и Казахстана была в прошлом ареной сложных этнических процессов, что отразилось на антропологическом составе населения, облик которого в значительной мере сформировался в результате взаимодействия насельников и пришлых групп из Восточной Азии.

Палеоантропологический материал из Средней Азии и Казахстана в целом довольно велик, однако изучена эта территория неравномерно — одни районы и периоды истории лучше, другие хуже. К сожалению, до недавнего времени почти отсутствовали большие краниологические серии. Материал повсеместно был представлен единичными скелетами или небольшими сериями в несколько черепов и скелетов. С этим, по-видимому, связан и методологический подход к палеоантропологическому материалу Средней Азии и Казахстана, который в подавляющем большинстве случаев исследован с помощью типологических методов анализа¹.

Укажем также на то, что сводных обобщающих работ по исследуемым регионам недостаточно². Этот пробел в значительной мере восполняет недавно вышедшая работа О. Исмагулова³, в которой рассматриваются все палеоантропологические материалы с территории Казахстана — от эпохи бронзы до наших дней, а также данные по краниологии современных казахов.

Выход в свет этой работы и послужил поводом для разговора о генезисе южносибирской расы. Нам представляется, что настало время посмотреть, как продвинулось решение этой проблемы за 25 лет⁴, прошедших с тех пор, как советскими антропологами было отвергнуто базирующееся на стадильной гипотезе А. И. Ярхо⁵ представление о монголоидности южносибирской расы, и ученые фактически вернулись к старой

¹ Заметим, что М. Г. Левин, касаясь вопроса диагностики центральноазиатского и южносибирского антропологических типов на краниологическом материале, специально подчеркивал непригодность для их разграничения метода индивидуальной диагностики черепов. См.: М. Г. Левин, К вопросу о южносибирском антропологическом типе, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXI, М., 1954, стр. 78 (далее КСИЭ).

² Последняя сводка: В. В. Гинзбург, Расовые типы Средней Азии и их формирование в процессе этногенеза ее народов, «Научные труды Ташкентского государственного университета», вып. 235, Ташкент, 1964.

³ О. Исмагулов, Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование), Алма-Ата, 1970.

⁴ В 1947 г. М. Г. Левин, сопоставляя антропологический тип якутов с южносибирским антропологическим типом, высказал предположение о формировании последнего на основе древнего смешения европеоидных и монголоидных элементов. См.: М. Г. Левин, Антропологический тип якутов, КСИЭ, вып. III, М.—Л., 1947, стр. 58.

⁵ А. И. Ярхо, Алтае-саянские тюрки. Антропологический очерк, Абакан, 1947; его же, Пигментация волос, глаз и кожи у племен Алтае-Саянского нагорья, «Русский антропологический журнал», т. 17, вып. 3—4, 1929; его же, Казахи русского Алтая,

точке зрения В. Радлова⁶ о европеоидно-монголоидном происхождении относящихся к этой расе народов (казахи, киргизы и некоторые народы Южной Сибири).

В 1951 г. метисационная концепция южносибирской расы нашла отражение в сборнике «Происхождение человека и древнее расселение человечества» по народам Южной Сибири в статье М. Г. Левина⁷, по народам Средней Азии и Казахстана в работе В. В. Гинзбурга⁸, который назвал андроновский антропологический тип в качестве европеоидного компонента южносибирской расы. Заметим, что тот же андроновский тип В. В. Гинзбург считал исходным и для расы Среднеазиатского Междуречья⁹.

В 1952 г. была опубликована специальная работа, посвященная антропологии Казахстана, состоящая из пяти очерков (два из них были написаны Г. Ф. Дебецом, остальные В. В. Гинзбургом, М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым) и общего введения¹⁰. Авторы пришли к единодушному выводу о том, что казахи относятся к южносибирской расе, сформировавшейся в процессе метисации «главным образом древнего „андроновского“ европеоидного типа с центральноазиатскими монголоидами»¹¹. Отмечается поразительная однородность казахов на всей обширной территории их проживания¹², которую В. В. Гинзбург склонен объяснить однородностью местного европеоидного «андроновского» компонента¹³ южносибирской расы, а М. Г. Левин — «широким и длительным общением разных территориальных и племенных групп, вошедших в состав казахского народа...»¹⁴ Последнее, весьма важное, на наш взгляд, положение было в дальнейшем почему-то предано забвению. Г. Ф. Дебеч отмечает, что, занимая в целом по большинству признаков промежуточное положение между европеоидами и монголоидами, казахи выделяются очень большим скуловым диаметром, превосходя по этому признаку даже сибирских монголоидов. Г. Ф. Дебеч рассматривает этот факт как еще одно доказательство большой роли широколицего андроновского типа в формировании южносибирской расы¹⁵. К этому аргументу неоднократно прибегали, и, пожалуй, без достаточных на то оснований, разные исследователи для объяснения большой ширины лица у казахов¹⁶.

Однако сам по себе факт признания метисного происхождения расы еще не дает конкретного представления о путях ее формирования. Вспомним хотя бы полемику вокруг ряда вопросов о происхождении уральской

«Северная Азия», 1930, кн. I—II; его же, Краткий обзор антропологического изучения турецких народностей СССР за 10 лет (1924—1934), «Антропологический журнал», 1936, № 1.

⁶ W. Radloff, *Aus Sibirien*, Bd 1, Leipzig, 1884. См. также: Н. Л. Зеланд, Киргизы. Этнологический очерк, «Записки Зап.-Сиб. отд. Русского географического общества», т. VII, вып. 2, Омск, 1885; А. Н. Харузин, Киргизы Букеевской орды, «Труды антропологического отделения о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. X, вып. 1, М., 1889.

⁷ М. Г. Левин, Древние переселения человека в Северной Азии по данным антропологии, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», (далее ТИЭ), нов. серия, т. XVI, М., 1951, стр. 492.

⁸ В. В. Гинзбург, Древние и современные антропологические типы Средней Азии, ТИЭ, т. XVI, М., 1951, стр. 390.

⁹ Там же, стр. 390.

¹⁰ В. В. Гинзбург, Г. Ф. Дебеч, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Очерки по антропологии Казахстана, КСИЭ, вып. XVI, М., 1952.

¹¹ Там же, стр. 45.

¹² В. В. Гинзбург, Г. Ф. Дебеч, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 45, 53.

¹³ Там же, стр. 47.

¹⁴ Там же, стр. 57.

¹⁵ Там же, стр. 55.

¹⁶ См., например, М. Г. Левин, К вопросу о южносибирском антропологическом типе, стр. 78; О. Исмагулов, Указ. раб., стр. 145.

расы¹⁷ или расы Среднеазиатского Междуречья¹⁸. По поводу генезиса южносибирской расы среди ученых на первый взгляд царит единодушие. Но это только на первый взгляд.

В статье, подводящей итоги работ антропологического отряда Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1953 г., Г. Ф. Дебеч пишет, что «подавляющее большинство физических предков современных киргизов происходит из Центральной Азии»¹⁹. Касаясь антропологического типа европеоидного компонента, вошедшего в состав киргизов, он, с одной стороны, соглашается с мнением В. В. Гинзбурга об «андроновских» чертах у населения сакского времени Киргизии²⁰, с другой — пишет, что древнее европеоидное население было похоже на современных таджиков²¹.

В 1956 г. в итоговом докладе об антропологических исследованиях в Киргизии Г. Ф. Дебеч уже прямо говорит о примеси в составе киргизов «европеоидного элемента, близкого к типу, преобладающему, например, у таджиков и, в несколько меньшей мере, у узбеков и уйгуров»²². Кроме того, Г. Ф. Дебеч ставит вопрос о возможном наличии европеоидной примеси уже в тех монголоидных группах, которые приходили в Киргизию из Центральной Азии²³. Это предположение помимо аргументов, приводимых Г. Ф. Дебечом, подтверждается и новыми фактами.

В 1963 г. в результате работ Монгольско-Венгерской археологической экспедиции в верховьях Селенги (Северо-Западная Монголия) в погребениях гуннского времени наряду с монголоидными черепами были обнаружены черепа с ярко выраженными европеоидными признаками. Т. Тот, изучивший эти черепа, считает, что по комплексу антропологических особенностей они имеют наибольшее сходство с таштыкскими черепами Минусинской Котловины, усунями Юго-Восточного Казахстана, саками и усунями Памира²⁴.

Недавно автор этой статьи изучил серию черепов гуннского времени с территории Забайкалья и пришел к выводу, что и в эту, столь удаленную от ареала древнего европеоидного массива область, в самом начале нашей эры проникали европеоиды из Тувы и Минусинской Котловины²⁵.

¹⁷ См.: В. П. Якимов, Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленьем острове (Онежское озеро), «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XIX, М.—Л., 1960; Г. Ф. Дебеч, О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики, «Сов. этнография», 1961, № 6; «Происхождение и этническая история русского народа по антропологическим данным», ТИЭ, т. 88, М., 1965, стр. 256—269; Т. А. Трофимова, Еще раз о черепах из Луговского могильника ананьинской культуры, сб. «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии», М., 1968; В. П. Алексеев, Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование), М., 1969.

¹⁸ Ю. Г. Рычков, Происхождение расы Среднеазиатского Междуречья, «Научные труды Ташкентского гос. университета», вып. 235, Ташкент, 1964.

¹⁹ Г. Ф. Дебеч, Проблема происхождения киргизского народа, «Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1956, стр. 16.

²⁰ Для В. В. Гинзбурга, считающего, что раса Среднеазиатского Междуречья произошла от андроновского типа в результате его грацилизации, здесь нет противоречий. Г. Ф. Дебеч не разделял этой точки зрения В. В. Гинзбурга, склоняясь к мнению о самостоятельности этой расы. См.: Г. Ф. Дебеч, Опыт графического изображения классификации человеческих рас, «Сов. этнография», 1958, № 4, стр. 85, 86. В пользу идеи самостоятельности и автохтонности расы Среднеазиатского Междуречья, развиваемой в ряде работ Л. В. Ошаниным, веские аргументы недавно привел Ю. Г. Рычков. См.: Л. В. Ошанин, Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, часть 1—3. Ереван, 1957—1959; Ю. Г. Рычков, Антропология и генетика изолированных популяций. М., 1969, стр. 145—161.

²¹ Г. Ф. Дебеч, Проблема происхождения киргизского народа, стр. 16.

²² Г. Ф. Дебеч, Антропологический состав населения Киргизии, «Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. III, Фрунзе, 1959, стр. 75.

²³ Там же, стр. 75.

²⁴ T. Toth, Some problems in the palaeoanthropology of Northern Mongolia, «Acta archaeologica Academie Scient, Hungaricae», Budapest, 1967, стр. 382, 383.

²⁵ Полевые материалы автора.

Впрочем, о возможности европеоидной примеси в составе гуннов Забайкалья писал в свое время и Г. Ф. Дебец²⁶. Европеоиды проникали в глубь Центральной Азии и значительно позже, о чем свидетельствует, например, открытая А. П. Окладниковым²⁷ среднеазиатская колония VIII—IX вв. в Прибайкалье, население которой относится к расе Среднеазиатского Междуречья²⁸.

Существенным фактом в уточнении генезиса и территории формирования южносибирской расы является установление принадлежности к ней енисейских кыргызов²⁹, некоторых групп современных хакасов³⁰, гунно-сарматского населения Тувы³¹. Характерно, что отличия между группами хакасов, отнесенными к уральской и южносибирской расам, В. П. Алексеев объясняет разной мерой участия в процессе метисации монголоидов из окружающих Минусинскую Котловину таежных территорий, с одной стороны, и центральноазиатских монголоидов — с другой, в то время как европеоидный компонент был единым и восходил к афанасьевско-тагарскому населению Минусинской Котловины эпохи бронзы³².

Таким образом, в настоящее время история формирования южносибирской расы представляется не как сравнительно простой процесс метисации центральноазиатских монголоидов с преимущественно «андроновским» вариантом протоевропейского типа, а как сложное и длительное взаимодействие сложных по антропологическому составу монголоидного и европеоидного массивов населения на весьма обширной территории, проходящее в разные эпохи с неодинаковой интенсивностью, с разной мерой участия и контакта тех или иных компонентов.

В какой-то мере именно такое понимание процесса образования южносибирской расы было сравнительно недавно предложено В. В. Гинзбургом в специальном докладе, посвященном этой проблеме. Правда, В. В. Гинзбург, вероятно, по традиции, продолжает считать андроновский тип основным европеоидным компонентом южносибирской расы³³.

О длительности процесса формирования южносибирской расы на территории Казахстана пишет и О. Исмагулов. Однако процесс этот представляется ему довольно простым. В целом выводы его сводятся к следующему:

1) казахи относятся к смешанной — европеоидно-монголоидной южносибирской расе, которая формировалась на территории Казахстана от эпохи бронзы до XII—XIV вв., после чего расовый тип казахов практически остался неизменным;

2) европеоидным компонентом был местный «андроновский» (по терминологии О. Исмагулова, древнеказахстанский) антропологический тип, восходящий к эпохе бронзы (андроновская культура) и прослежи-

²⁶ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, ТИЭ, т. IV, 1948, стр. 121.

²⁷ А. П. Окладников, Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время, сб. «Тюркологические исследования», М., 1963.

²⁸ И. И. Гохман, Среднеазиатская колония в Прибайкалье, сб. «Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии», М., 1968.

²⁹ В. П. Алексеев, Хакасы, енисейские кыргызы, киргизы, «Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1956.

³⁰ В. П. Алексеев, Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения, «Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. IV, М., 1960.

³¹ И. И. Гохман, Об антропологических особенностях населения Тувы в гунно-сарматское время, «Этногенез народов Северной Азии» (тезисы докладов), вып. I, Новосибирск, 1969, стр. 144, 145; В. П. Алексеев, И. И. Гохман, Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из могильника Кокзель, «Труды тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», т. III, Л., 1970.

³² В. П. Алексеев, Хакасы, енисейские кыргызы, киргизы, стр. 364; его же, Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения (Предварительные сообщения), КСИЭ, вып. XXVIII, М., 1958, стр. 92, 97.

³³ В. В. Гинзбург, О развитии южносибирского антропологического типа, «Тезисы докладов годичной сессии Ленинградского отделения Ин-та этнографии АН СССР», Л., 1968, стр. 61.

ваемый на протяжении всех периодов истории Казахстана вплоть до настоящего времени. От этого местного населения современные казахи унаследовали большую часть свойственных им расовых признаков, в том числе и большую ширину лица. Ему же они обязаны антропологической однородностью. Небольшие локальные различия, наблюдающиеся сейчас, восходят к таковым в древние эпохи;

3) пришлые (монголоидные) группы из Центральной Азии оставили следы в расовом типе казахов в виде монголоидной примеси, но сами они растворились в численно преобладавшем коренном населении Казахстана³⁴.

Таким образом, по мнению О. Исмагулова, казахи представляют собой в основном автохтонное население Казахстана, имеющее в своем составе монголоидную примесь.

Выводы эти настолько отличаются от заключения Г. Ф. Дебеца о происхождении киргизов, писавшего, как мы отмечали выше, о переселении подавляющего большинства предков киргизов из Центральной Азии, что при генеалогическом подходе к классификации рас возникает вопрос о правомочности отнесения киргизов и казахов к единой южносибирской расе. О. Исмагулов в принципе, видимо, склонен к такого рода разделению или, скажем, выделению казахов. Так, сопоставляя серию черепов монгольского времени из Казахстана с черепами томско-чулымских тюрок XV—XVI вв., он делает заключение в том, что в это время в Южной Сибири жило население «типично монголоидного типа», а в Казахстане — «европеоидно-монголоидное»³⁵. Данное заключение совершенно неправомерно и представляет собой просто недоразумение. Во-первых, серия черепов томско-чулымских тюрок происходит не из южной, а из лесной зоны Западной Сибири, и распространять выводы, сделанные на основании ее диагностики, на Южную Сибирь нельзя. Во-вторых, Г. Ф. Дебеч оставляет вопрос о расовой принадлежности этой серии открытым, а вовсе не считает ее монголоидной³⁶. Позднее Н. С. Розовым была доказана принадлежность томско-чулымских тюрок к уральской расе³⁷, т. е. все-таки к метисной, хотя и иного, чем южносибирская раса, происхождения.

Если сопоставить казахов и киргизов по признакам, выражающим степень монголоидности, то разница между ними оказывается не настолько большой, чтобы можно было представить себе, что предки киргизов в основном пришли из Центральной Азии, а предки казахов в большинстве своем были местным европеоидным населением. Так, на шкале распределения по степени выраженности монголоидных и европеоидных признаков, составленной Г. Ф. Дебецом, где за масштаб принята разница между аларскими бурятами и ферганскими таджиками, казахи располагаются рядом с киргизами, близко от центральноазиатских (монголоидных) групп и далеко от европеоидных³⁸. На диаграмме показаны доли участия европеоидного и монголоидного элемента в антропологическом составе; последний равен у киргизов примерно 80%, у казахов около 70%³⁹. На корреляционном поле при сопоставлении современных краниологических серий по преареккулярному фациоцеребральному указателю и общему показателю уплощенности, на котором О. Исмагулов демонстрирует промежуточное положение между представителями европеоидной и монголоидной рас, казахи располагаются рядом с киргизами и по крайней мере в два раза ближе к калмыкам, монголам и якутам, чем

³⁴ О. Исмагулов, Указ. раб., стр. 117, 136, 143—149.

³⁵ Там же, стр. 88.

³⁶ Г. Ф. Дебеч, Палеоантропология СССР, стр. 212, 214.

³⁷ Н. С. Розов, Материалы по краниологии чулымцев и селькупов, ТИЭ, т. XXXIII, М., 1956, стр. 346.

³⁸ Г. Ф. Дебеч, Проблема происхождения киргизского народа, рис. 1, вклейка к стр. 14, 15.

³⁹ Там же, рис. 2.

к узбекам и таджикам⁴⁰. В общем, любой способ сопоставления современных казахов с европеоидами и монголоидами показывает, что монголоидные черты у казахов преобладают над европеоидными. Если судить по ним, то вывод Г. Ф. Дебеца о приходе подавляющего большинства предков киргизов из Центральной Азии будет справедлив и для казахов. Разве что слово «подавляющего» в применении к казахам можно опустить.

Но может быть, по современным расовым особенностям казахов нельзя судить об их происхождении с достаточной полнотой? Может быть, часть признаков, которые сейчас считаются монголоидными, в действительности таковыми не являются, и генетически восходят к европеоидным предкам казахов эпохи бронзы, например, скуловая ширина лица?

Без рассмотрения палеоантропологического материала этот вопрос решить нельзя. М. Г. Левин еще в 1954 г. отмечал важность для конкретизации истории формирования южносибирской расы накопления и изучения палеоантропологического и краниологического материала именно с территории Казахстана⁴¹.

Сходство антропологического типа населения, оставившего памятники андроновской культуры в Минусинской Котловине и в Казахстане, а также некоторые специфические отличия его от афанасьевского были показаны Г. Ф. Дебецом еще в конце 40-х годов⁴². На основании этого в 50-х годах было сделано предположение, что европеоидным компонентом южносибирской расы был широколицый «андроновский» антропологический тип. Однако в распоряжении Г. Ф. Дебеца было только два мужских черепа хорошей сохранности из Казахстана. Оба черепа действительно с типичным «андроновским» комплексом признаков: низким и очень широким лицом, низкими глазами, черепная коробка мезокранная. С тех пор материал по андроновцам Казахстана значительно пополнился. В сводке О. Исмагулова фигурирует 16 мужских и 24 женских черепа⁴³, в сводке В. П. Алексеева — 25 мужских и 31 женский череп⁴⁴. Изменили ли эти материалы представление об антропологическом составе населения андроновской культуры Казахстана? По-моему, изменили. С точки зрения О. Исмагулова, видимо, нет, так как он хотя и пишет об антропологической неоднородности населения Казахстана в эпоху бронзы⁴⁵, затем ставит знак равенства между древнеказахстанскими племенами, «андроновским» и «древнеказахстанским типом», иногда в скобках поясняя, что это и есть «андроновский» тип⁴⁶.

Обратимся к фактам. Если ориентироваться на типологическую диагностику черепов эпохи бронзы Казахстана разными исследователями, то оказывается, что количество черепов, отнесенных к «андроновскому» типу, крайне незначительно. Так, например, из 14 черепов, изученных О. Исмагуловым⁴⁷, к андроновскому типу отнесены три, к средиземноморскому — четыре, к расе Среднеазиатского Междуречья — один. Остальные черепа определены как просто европеоидные. Из могильника Гасты-Булак I В. В. Гинзбург типологически определил 23 черепа, и только один отнесен к андроновскому типу⁴⁸. Следовательно, если эти типологические характеристики верны, то, во-первых, население андроновской культуры

⁴⁰ О. Исмагулов, Указ. раб., стр. 117.

⁴¹ М. Г. Левин, К вопросу о южносибирском антропологическом типе, стр. 78.

⁴² Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 70.

⁴³ О. Исмагулов, Указ. раб., стр. 6, 16.

⁴⁴ В. П. Алексеев, Антропология андроновской культуры, «Сов. археология», 1967, № 1.

⁴⁵ О. Исмагулов, Указ. раб., стр. 21.

⁴⁶ Там же, стр. 33, 55, 89, 117, 137, 139, 144, 145, 146.

⁴⁷ О. Исмагулов, Палеоантропология Казахстана эпохи бронзы, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 16, 1962.

⁴⁸ В. В. Гинзбург, Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы, МИА, № 120, 1962.

Казахстана неоднородно в отношении рас второго порядка⁴⁹, а во-вторых, вряд ли можно считать, как это делает О. Исмагулов, что для объединенной серии из погребений андроновской культуры «характерны черты андроновского варианта протоевропейской расы»⁵⁰.

На сложность антропологического состава населения Казахстана эпохи бронзы указывают и средние данные объединенной серии из разных могильников андроновской культуры. Диагностика этой серии в пределах рас второго порядка затруднительна, так как она в равной мере сходна с минусинскими «андроновцами» и поволжскими «срубниками и ямниками», в меньшей степени — с черепами тазабагыябской культуры из могильника Кокча 3. В то же время различия с каждой из этих групп также отчетливы. От минусинских андроновцев серия из Казахстана отличается меньшей шириной черепной коробки, лба и лица, более высокими по указателю глазницами и прямым лбом, от срубников — в основном формой черепной коробки и наклоном лба. От черепов из могильника Кокча 3 — меньшей высотой черепа, большей шириной черепной коробки и лица, значительно меньшим наклоном лба и, пожалуй, ортогнатностью лица.

Таким образом, андроновцы Казахстана занимают как бы промежуточное положение между этими группами, расположенными к востоку, юго-западу и северо-западу от Казахстана.

О. Исмагулов объясняет описанную ситуацию генетическим родством всех этих групп и общностью их происхождения⁵¹. Этот вывод не вызывает возражений постольку, поскольку генетическое родство и общность происхождения всех европеоидных групп по сравнению, скажем, с монголоидами не подлежит сомнению. Но он мало что дает для выявления вопроса о происхождении населения эпохи бронзы Казахстана, так как объясняет только сходство сравниваемых групп, оставляя необъясненными различия. Последние можно трактовать двояко: 1) либо как результат наличия в эпоху бронзы в Минусинской Котловине, Казахстане, Поволжье и Приаралье локальных антропологических вариантов, образовавшихся на базе общих протоевропейских предков; 2) либо как результат последующих контактов и участия в формировании населения Казахстана эпохи бронзы разных антропологических типов европейского ствола. Первое предположение отвечало бы гомогенности древнего населения Казахстана, второе — сложности антропологического состава, что и имеет место в действительности. В. П. Алексеев продемонстрировал сложность антропологического состава населения андроновской культуры Казахстана, рассмотрев имевшийся в его распоряжении материал по территориальным группам⁵². Хотя численность черепов в каждой группе невелика, полученные локальные различия можно считать достоверными в силу их географического распределения, соответствующего комплексу антропологических признаков у населения соседних территорий. Особенно выделяется западноказахстанская группа, у представителей которой длинная, узкая и высокая черепная коробка, довольно узкое (скуловой диаметр 134,4 мм), резко профилированное лицо с сильно выступающим носом.

По сравнению с более гомогенным андроновским населением Минусинской Котловины население Казахстана эпохи бронзы отличается при-

---

⁴⁹ В. В. Гинзбург еще в 1964 г. писал об антропологической неоднородности населения Казахстана в эпоху бронзы, но, вероятно, считал преобладающим «андроновский» тип, называя его казахстанским вариантом протоевропейского. См.: В. В. Гинзбург, Раса Среднеазиатского междуречья и ее происхождение, «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. III, М., 1968, стр. 186.

⁵⁰ О. Исмагулов, Население Казахстана от эпохи бронзы до современности, стр. 15.

⁵¹ Там же, стр. 18—21.

⁵² В. П. Алексеев, Антропология андроновской культуры, стр. 24—26.

знаками, которые появились в результате проникновения в эти районы представителей Средиземноморской расы, а также контактов с населением срубной культуры⁵³.

Итак, население эпохи бронзы на территории Казахстана относится к европеоидной расе, но оно неоднородно в отношении рас второго порядка. Мнение о преобладании в его антропологическом составе «андроновского» антропологического типа содержит элемент преувеличения. Значит, на территории Казахстана, как и в Киргизии, на Алтае и в Минусинской Котловине, европеоидный компонент, вошедший в состав южносибирской расы, был неоднородным и состоял из разных антропологических типов европейского расового ствола. «Андроновский» тип был только одним из них. Следовательно, переименование андроновского типа, распространенного и за пределами Казахстана, в «древнеказахстанский тип», равно как и наименование этим термином разнородного в антропологическом отношении населения Казахстана эпохи бронзы, прежде всего неверно по существу. Оно недопустимо и потому, что изменение определенных устоявшихся терминов и понятий в дальнейшем всегда вносит путаницу. Не случайно наименование антропологических типов и рас обычно связывают с географическими понятиями, реже с наименованиями культуры или этноса (для древних рас) и никогда с национальными или государственно-административными понятиями. Наименование андроновского антропологического типа древнеказахстанским было бы равносильно переименованию южносибирской расы в казахстанскую, центрально-азиатскую в бурят-монгольскую и т. д.

В свете сказанного представляется несостоятельным неоднократно выдвигаемое положение о том, что казахи унаследовали от древнего населения ряд специфических признаков, из которых обычно в качестве примера фигурирует скуловая ширина лица. В самом деле, если при первоначальном знакомстве с черепами андроновской культуры Казахстана создалось впечатление, что для андроновцев этого региона было характерно очень широкое лицо, более 140 мм⁵⁴, то теперь ясно, что это не так. По суммарным данным О. Исмагулова скуловая ширина у андроновцев Казахстана — равна 137,4 мм⁵⁵, по данным В. П. Алексеева — 136,6 мм у мужчин и 128,2 мм у женщин⁵⁶, т. е. еще меньше.

У современных казахов скуловая ширина лица значительно больше. В суммарной казахстанской серии черепов этот размер оказался равным 143,7 мм при вариации по локально-территориальным группам от 141,5 до 144,5 мм⁵⁷. Вряд ли можно считать, что казахи унаследовали от населения эпохи бронзы признак, которого у последнего не было.

Конечно, теоретически нельзя исключить возможность увеличения скулового диаметра в процессе модификации антропологического типа, тем более что подобные явления уже отмечались. Так, М. Г. Абдушелишвили отмечал увеличение ширины лица у некоторых кавказских групп по сравнению с древним населением⁵⁸. Необычайно сильное увеличение всех широтных размеров лицевого скелета по сравнению с идентичными показателями у предшествующего населения и даже известного своей матури-

⁵³ В. П. Алексеев, Антропология андроновской культуры, стр. 26.

⁵⁴ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 70.

⁵⁵ О. Исмагулов, Население Казахстана от эпохи бронзы до современности, стр. 17.

⁵⁶ Приведенные средние цифры вычислены мною как взвешенное среднее арифметическое на основе данных по локальным группам, содержащихся в статье В. П. Алексеева, см.: В. П. Алексеев, Антропология андроновской культуры, «Сов. археология», 1967, № 1.

⁵⁷ О. Исмагулов, Население Казахстана от эпохи бронзы до современности, стр. 94, 95.

⁵⁸ М. Г. Абдушелишвили, К эпохальной изменчивости антропологических признаков, КСИЭ, вып. XXXIII, 1960.

зованностью населения верхнего палеолита Европы зафиксировано также на краниологических сериях эпохи неолита на Украине⁵⁹. Приведенные факты нуждаются в специальном изучении и прямого отношения к территории Казахстана не имеют.

Ведущая роль метисации в образовании основного комплекса южносибирской расы вряд ли может подвергаться сомнению. Представленные О. Исмагуловым данные по динамике расовых признаков на территории Казахстана показывают, что увеличение скулового диаметра сопровождается одновременным увеличением высоты лица, уменьшением высоты черепа и ширины лба, усилением уплощенности лица, понижением высоты переносья, ослаблением выступа носа⁶⁰ — другими словами, формированием комплекса признаков южносибирской расы, имеющего ближайшие аналогии с центральноазиатскими монголоидами. Характерно и то обстоятельство, что отмечаемая всеми авторами антропологическая однородность современных казахов⁶¹ сложилась, по-видимому, на протяжении последних четырех столетий. Так, еще в монгольское время локальные группы населения Казахстана различались значительно сильнее, чем современные (по краниологическим сериям). Выделенные на краниологическом материале (серия современных казахов включает черепа XVI—XIX вв.) территориальные группы различаются между собой сильнее, чем эти же группы, полученные в результате соматометрического исследования.

В тюркское время антропологический состав населения Казахстана был очень разнородным. Если рассматривать его по территориальным группам, то резко выделяется европеоидными особенностями группа X—XII вв. из Павлодарского Прииртышья, тогда как население этой же территории в VII—IX вв. было значительно монголоидней⁶². Это указывает на крупные передвижения населения в Казахстане в тюркское время. В общем, можно полностью согласиться с заключением О. Исмагулова, писавшего, что «... антропологический состав населения Казахстана никогда не был столь разнообразен, как в тюркское время»⁶³. Тем удивительнее то противоречие, в которое впадает О. Исмагулов, утверждая в конечном итоге: «... У них (у тюрков.— *И. Г.*) сложилась в известной мере та сравнительная однородность, которая характерна для данного (южносибирского.— *И. Г.*) расового типа»⁶⁴.

Единственным объяснением такой непоследовательности, на мой взгляд, может быть то четкое нарастание от древности к современности монголоидных особенностей, которое проявляется при экстраполяции данных по большим хронологическим этапам. Так, назо-малярный угол: у саков 141,8, усуней — 143,0, тюрков — 143,3⁶⁵. Зигма-максиллярный угол: у

⁵⁹ См., например, *И. И. Гохман*, *Население Украины в эпоху мезолита и неолита*, М., 1966.

⁶⁰ О. Исмагулов, *Население Казахстана от эпохи бронзы до современности*, стр. 122—125.

⁶¹ В. В. Гинзбург, Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, *Указ. раб.*

⁶² О. Исмагулов, *Население Казахстана от эпохи бронзы до современности*, стр. 60, 61.

⁶³ Там же, стр. 75.

⁶⁴ Там же, стр. 75.

⁶⁵ Данная цифра взята из табл. 19 книги О. Исмагулова «Население Казахстана от эпохи бронзы до современности». В табл. 8 и 9, относящихся к главе по исследованию тюркского материала, показана другая величина этого признака — 139,8° для мужчин. В то же время у женщин назо-малярный угол оказался равным 144,7°. Сочетание действительно необычное. Первая величина типична для европеоидных групп, вторая — для монголоидных. Однако при просмотре всего ряда назо-малярного угла у мужчин по локальным группам оказывается, что приведенный суммарный размер меньше, чем в любой локальной группе. Подсчет средней взвешенной величины этого признака дает цифру 142,9°. Следовательно, при подсчете средней величины О. Исмагуловым была допущена ошибка, которая и привела к весьма противоречивой характеристике тюркского материала.

саков — 130,5, усуней — 130,4, тюрк — 133,8. Угол выступления носа соответственно 30,2; 28,0; 25,6. Соматическая высота 4,64; 4,38; 3,96. Но внутри, если можно так выразиться, этих периодов наблюдается не только уже отмеченное разнообразие антропологического состава, но и нередкое нарушение этой последовательности по ряду признаков. Так, при сопоставлении черепных серий усуней первого (III—II вв. до н. э.) и третьего (II—III вв. н. э.) периодов получается следующее: скуловой диаметр в первом периоде — 137,8 мм; в третьем периоде — 143,8 мм у мужчин и соответственно 128,5 и 132,1 мм у женщин. Угол выступления носа в первом периоде у мужчин 25,8, в третьем — 34,5; у женщин — в первом периоде 23,0, в третьем — 26,0⁶⁶. Значит, лицо стало значительно шире, а выступание носа — сильнее. Одновременно лицо стало и более плоским. Наблюдаемые изменения вряд ли можно объяснить дальнейшей модификацией андроновского типа. Они, безусловно, нуждаются в специальной интерпретации, которая станет возможной при дальнейшем накоплении материала. Однако и сейчас сочетание у поздних усуней широкого, высокого, плосковатого лица с сильно выступающим носом обращает наши взгляды на восток — Алтай, Туву, Минусинскую Котловину, т. е. туда, где в скифское время жило население со сходным комплексом антропологических особенностей. Именно оно первым испытало давление центральноазиатских монголоидов и, быть может, сдвинутое с насиженных мест стремительным продвижением кочевников из Центральной Азии, потеснилось на запад, достигнув территории современного Казахстана.

Нельзя, очевидно, не принимать во внимание и тот факт, что в усуньское время на территории Казахстана были широко распространены сарматские племена, происхождение которых обычно связывают с населением Нижнего Поволжья.

Весьма разнородным по антропологическому составу было население Казахстана и в сакское время. В этот период, по-видимому, впервые появляется здесь монголоидная примесь⁶⁷. Однако неоднородность сакского населения не может быть сведена только к различиям в пределах двух больших рас. Территориальные группы саков, кроме признаков, характеризующих профилированность лица и выступание носа, обнаруживают значительную варибельность по высоте и ширине лица и ряду других признаков, указывающих на наличие разных вариантов в пределах европейского расового ствола. В целом локальные группы сакского времени в большей или меньшей степени соответствуют локальным вариантам населения эпохи бронзы.

В итоге могут быть сформулированы следующие основные положения: формирование южносибирской расы проходило на обширной территории Минусинской Котловины, Алтае-Саянского нагорья Киргизии и Казахстана;

ведущим фактором в процессе формирования южносибирской расы была метисация, которая представляется как грандиозное по своему масштабу и длительности взаимоотношение сложных по антропологическому составу европеоидных и монголоидных племен при явном преобладании к середине II тыс. н. э. последних на всей территории становления южносибирской расы;

представляется явно преувеличенной роль так называемого андроновского антропологического типа в формировании южносибирской расы, который может рассматриваться лишь в качестве одного из европеоидных компонентов. Переименование «андоновского» антропологического типа, как и наименование неоднородного в антропологическом отношении на-

⁶⁶ Цифровые материалы заимствованы из раб. О. Исмагулова «Население Казахстана от эпохи бронзы до современности».

⁶⁷ См., например, В. В. Гинзбург, К антропологии ранних кочевников Восточного Казахстана, ТИЭ, т. XXI, М., 1961; О. Исмагулов, Население Казахстана от эпохи бронзы до современности.

селения Казахстана эпохи бронзы «древнеказахстанским антропологическим типом» необоснованно;

процесс формирования южносибирской расы не был автохтонным процессом развития местного населения ни на территории Казахстана, ни на какой-либо другой территории древнего или современного их распространения. Специфические особенности южносибирской расы и ее однородность в пределах больших локальных территорий, позволяющие выделить ее в качестве особой систематической единицы, сложились в последние четыре-пять столетий в результате прекращения притока населения из Центральной Азии, укрепления и развития внутри этих территорий межплеменных связей казахов, киргизов и народов Южной Сибири.

THE ROLE OF THE ANDRONOVO COMPONENT IN THE FORMATION OF THE SOUTH SIBERIAN RACE

The author reaches the following principal conclusions.

The formation of the South Siberian race was brought about over a wide territory embracing the Minusinsk Hollow, the Altay-Sayan Uplands, Kirghizia and Kazakhstan. The main factor in this process was metization; there appears to have been an immensely widespread and lasting interrelationship between anthropologically complex Caucasian and Mongoloid tribes. The role of the so-called Andronovo anthropological type in the formation of the South Siberian race appears to have been much exaggerated: it may be regarded as merely one of several Caucasian components. The process by which the South Siberian race came into being was not an autochthonous one.

The characteristic features distinguishing the South Siberian race, its homogeneity over an extensive area, which permits us to regard it as an independent classification unit, have evolved during the last 4—5 centuries owing to the cessation of the population influx from Central Asia and to the growth and strengthening of inter-tribal links among the Kazakhs, Kirghiz and South Siberian peoples within this area.
